

«В ГОСТЯХ У ТОМИЧЕЙ» – РУКОПИСЬ НАЧАЛА XX в. О ТОМСКЕ

Поднимается вопрос классификации мемуаров и разграничения их как вида источника с художественной прозой. Проблема рассмотрена на примере рукописи начала XX в. из фонда отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета «В гостях у томичей». В тексте представлены как элементы художественного вымысла, так и исторически точные детали, что позволяет отнести его к «периферии мемуарного жанра». Прилагается воспроизведение текста по упрощенным правилам, в современной орфографии и пунктуации.

Ключевые слова: мемуаристика; Томск; Сибирь.

Проблема классификации текстов мемуаров уже неоднократно поднималась исследователями, как и вопрос о разграничении мемуаристики с произведениями беллетристическими, путевыми заметками, публицистикой и т.д. Эту проблему применительно к сибирскому материалу подробно осветила в своей работе Н.П. Матханова [1]. В частности, она приводит точку зрения М.К. Азадовского, который полагал, что существуют мемуары, в которых стремление к документальной точности сочетается с «элементами творческого вымысла, но такого вымысла, который не искажает действительности... но дополняет, придавая ей большую внутреннюю убедительность» [2. С. 261]. Н.П. Матханова в качестве одного из основополагающих критериев выделения мемуаристики среди ряда близких к ней текстов предлагает опираться на такой критерий, как цель автора [1. С. 21, 31]. Необходимо помнить и о том, что целевые установки мемуаротворчества изменялись со временем [3. С. 14–16]. Так, по мнению российских источниковедов, во второй половине XIX – начале XX в. «происходило сближение мемуаров с живой современной им художественной прозой и со всей повседневной, меняющейся действительностью» [4. С. 346]. Одним из примеров такого рода документов является рукопись, хранящаяся в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). Она озаглавлена автором «В гостях у томичей» [5]. Это небольшая рукопись формата in quarto, на 29 листах тетрадной бумаги в клетку, очевидно, из стандартной ученической тетради. Переплет рукописи утрачен, но сохранились холщовые полосы, которыми блок крепился к переплету.

Рукопись условно датирована 1901 г. Датировка выполнена на основании следующих данных текста: упоминание предстоящей выставки в Париже, к которой автор готовит картину (выставка состоялась в 1900 г.); речь, произнесенная на описанном в пятом разделе текста университетском акте 22 октября (автор сообщает, что речь была «об экономическом значении Сибирской железной дороги»). Соответствующая актовая лекция была прочитана 22 октября 1900 г. профессором Томского университета Михаилом Николаевичем Соболевым [6, 7]. Обо всех этих событиях автор говорит, как о произошедших в «истекшем году», следовательно, велика вероятность, что текст создан в следующем году после описанных событий.

Рукопись включает в себя два текста. Первый – собственно рассказ «В гостях у томичей» [5. Л. 1–27 об.], второй озаглавлен «Урок практической философии.

Посвящается памяти Таисии Порфирьевны Брызгаловой» [5. Л. 28–29 об.]. В последнем тексте автор описывает свои чувства, вызванные кончиной матери, имя которой отражено в заглавии. К сожалению, разыскания по этому имени не дали пока положительных результатов.

Автор работал над рукописью: в тексте имеется правка редакционного характера, выполненная авторским почерком, черными и зелеными чернилами. Текст, вероятно, готовился к публикации, об этом свидетельствует правка, выполненная синим и красным карандашом. Так, на л. 1 над текстом синим карандашом написано: «Quoti una fantasia». На л. 7 отмечен абзац из диалога с гувернанткой; фраза «Ах, очень интересно! Каким образом женщинам вашей сферы удалось снискать такое внимание?» отчеркнута на полях синим карандашом и снабжена комментарием: «Что за глупый вопрос?». Возмущение редактора вызвало объяснение профессором причин нелюбви томичей к железной дороге: на л. 7 об. абзац отчеркнут синим карандашом, на полях замечание: «Профессор обскурант и реакционер!». Кроме того, имеется и обычная стилистическая правка на л. 1 об., 11 об., 14, 14 об., 16, 17 об., 18, 18 об., 26.

При описании документа нескольким специалистам было предложено ознакомиться с ним. Интересно, что ученые разошлись в оценке рукописи. Так, Н.П. Матханова определила его как попытку написать художественный текст, С.Ф. Фоминых и С.А. Некрылов считают, что изображенные в тексте персонажи имели реальных прототипов, которых можно разыскать, а Н.М. Дмитриенко склоняется к тому, что перед нами – беллетризованные мемуары, а выведенные в них персонажи по преимуществу вымышленные, типические, хотя городская топография и факты городской жизни реальные. Наличие определенного разброса мнений привлекает внимание и наводит на мысль о том, что жанр публикуемого текста является промежуточным, поскольку включает в себя черты ряда жанров, так или иначе близких мемуарному: путевых заметок, публицистики и т.д.

Действительно, в тексте встречаются явно вымышленные образы, начиная с главного героя, от имени которого ведется повествование, назвавшего себя столичным художником, и его томского дядюшки, обо всем высказывавшегося совершенно типичным, лишенным индивидуальности языком. Сюда же отнесем куклу Нату, имевшую хрестоматийно строгую, но добрую гувернантку и, конечно же, «тонкие и изящные черты лица и копну темных мягких волос» (подобными описаниями женских образов изобилует, например, известный роман В.В. Курицына «Томские трушобы» [8]).

При этом очевидно, что автор опирается на свои собственные впечатления и наблюдения. Он хорошо знаком с топографией города, со знанием дела рассказывает о «только что построенном» здании Троицкого собора, описывает увиденный собственными глазами университет и рощу вокруг него. При сообщении о том, что на стадии строительства находится огромный дом Кухтеринных, автор называет его «собственностью лица, которое начало свое поприще на трактовых дорогах с извоза». Сообщение о лекции профессора явно написано очевидцем, также указано подлинное имя купца Королева, как и подробности о его попытках восстановить рухнувший собор, которые в то время еще не были опубликованы К.Н. Евтроповым и, скорее всего, были достоянием устной истории. Очевидно, «списаны с натуры» сценки в театре и Общественном собрании, а также и на охоте близ реально существовавшей деревни Данковки на р. Китат, рассказ дядюшки о заячьих следах на Ново-Соборной площади. В рассуждениях героев присутствуют темы, которые освещались на страницах томской периодики на рубеже веков: о праве образованных женщин на трудоустройство, о влиянии железной дороги и железнодорожных служащих на жизнь Томска, о различиях между сибиряками и «российскими обывателями». В изданной в 1900 г. книге Д.Н. Беликова говорится о «религиозной холодности старого Томска» [9. С. 29], автор пишет о «духовной черствости и узкой практичности обитателей» города. Следует отметить также, что заметки написаны человеком, явно принадлежащим к привилегированному сословию, о чем говорят, помимо перечня развлечений, периодически встречающиеся французские слова и имена, произносимые на французский манер.

Избегание имен для большинства значимых персонажей (дядюшка, профессор и др.) или упоминание только имени (кузина Ната, тетюшка, гувернантка) может быть объяснено как минимум двумя причинами. С одной стороны, автор мог стараться скрыть какие-то известные в городе фамилии, создав образ, напоминающий реально существующего человека. С другой стороны, более вероятным представляется, что автор создавал образы с его точки зрения типические, характерные для Томска начала XX в., – именно отсюда использование указанных выше известных литературных штампов. В этой связи возникает вопрос: как классифицировать тексты, подобные представленному ниже, где явно вымышленные персонажи действуют в совершенно реальных декорациях, начиная от топографии города и деталей оформления городского театра до подробностей городской жизни? Представляется, что их следует относить к тому типу, который Н.П. Матханова называет периферией мемуарного корпуса [1. С. 31]. Таких рассказов, стилизованных под мемуары, довольно много публиковалось в сибирской периодике XIX – начала XX в. Специалисты нечасто обращают внимание на тексты такого рода, поскольку они считаются малоинформативными. Между тем, наряду с художественным вымыслом, здесь можно почерпнуть и реальные исторические факты.

Настоящий текст представляет интерес в первую очередь как панорама городской жизни, написанная от лица одного из жителей города (пусть временных, если принять за правду тот факт, что автор приехал в город

по приглашению дядюшки). Существенно также и то, что мемуарные источники, посвященные Томску, до настоящего времени не только детально не изучены, но даже не полностью выявлены и не все опубликованы; отрадно, что в последнее время специалисты стали уделять этому источнику повышенное внимание [10, 11]. Текст воспроизводится по упрощенным правилам: приведен с современной орфографией и пунктуацией, примечания об авторской и редакторской правке даны после текста. Разделение на листы показано двойной косой линией.

В гостях у томичей

Л. 1. В течение целого лета истекшего года я проработал в Петербурге над большой картиной «Одиссей и сирены», которую мечтал отправить в Париж на выставку. Удавшаяся композиция фигур дала мне повод позволить себе эту мечту. Но скоро я столкнулся с трудностями, которые не был в состоянии осилить мой небольшой талант. Группа сирен, охватывавшая ноги Одиссея, должна была смотреть на него глазами, исполненными страсти и мольбы. В свою очередь, Одиссей должен был представлять // (л. 1 об.) лицо, охваченное страстным чувством, но делающее энергические усилия вырваться из могучих объятий полных сладострастных нимф. На моей картине сирены смотрели на Одиссея какими-то¹ жалобными глазами² лягушек, а лицо самого героя напоминало испуганную физиономию жида-контрабандиста, захваченного стражей. Все мои усилия сообщить выражению фигуры силу и чувство оказались бесплодными. В отчаянии я бросил несколько раз свои кисти, убежал из дому и проводил несколько дней у знакомых и³ давал⁴ себе слово не браться более, по крайней мере, за этот сюжет. Но, возвратившись домой, я снова хватался за кисти и снова по целым часам томился над кар // (л. 2) тиной в сознании своего бессилия и ничтожества своего таланта. Наконец я утерял аппетит и сон и стал опасаться за состояние своего здоровья. В таком положении я вспомнил о пригласительном письме дядюшки, давным-давно оставшегося на службе в Сибири. Я отыскал это письмо среди коробок с табаком, красок и прочей рухляди и внимательно прочел его еще раз. «Милый племянник, – писал дядя. – Ты пишешь, что не видишь большого толка в своих художественных занятиях, а между тем беспутная петербургская жизнь тебя значительно поистрепала. Бросай-ка ты свою живопись, да приезжай к нам в Томск! Сибирь не Италия. Но этот край никто не упрекнет в нездоровом климате. Возьмем на лето весе // (л. 2 об.) ленькую дачку в окрестностях города и будем болтать, купаться и охотиться на тетеревов и дупелей (Письмо было писано в начале лета). Так как вся дичь томских окрестностей заблаговременно откуплена г.г. местными охотниками, то примкнем к местному охотничьему обществу. К концу лета возвратимся в город. Я не могу тебе обещать обширный круг знакомств, так⁵ и сам делю почти все свое время между занятиями и семьей. Тем не менее могу поручиться, что ты всегда найдешь соответствующее твоим интересам и духовным потребностям общество, готовое принять тебя в свой круг. Помимо этого, в городе немало // (л. 3)

культурных учреждений: театр, общественное собрание, драматическое и музыкальное общества, несколько просветительных и благотворительных обществ, публичные лекции и т.п., где ты вполне можешь удовлетворить свои потребности общественности. Не говорю уже о моей семье, которая всегда готова встретить и принять тебя с полным вниманием и расположением».

«Сибирь не Италия»? – это правда, но занятие живописью в такой степени меня измучило, что я был готов бежать куда-либо на край света, не только в Томск. Недолго думая, я предоставил свою скрипучую обстановку попечению товарища по занятию и с небольшим саком в руках отправился на Николаевский вокзал. На прощание Петербург ласкал // (л. 3 об.) мне лицо теплым влажным ветром.

В Москве судьба толкнула меня в вагон, наполненный какими-то дамами, не умолкавшими в течение двадцати четырех часов в беззастенчивой болтовне обо всем, не исключая и тайн их специального дамского обихода. Партия дам свалила в Самаре. Но, увы, вагон наш скоро пополнился новыми подобными же. К счастью, в Челябинске они пересели на северную линию и навсегда оставили наш поезд.

Не развлекаемый неприятным соседством, я мог теперь со вниманием обозревать новый железнодорожный путь.

Собственно сибирская железная дорога начинается от Челябинска. Пролегает она по // (л. 4) ровной, как скатерть, унылой и однообразной местности, с полянами и перелесками. По этой бесконечной скучной равнине тащился медленно, как черепаха, наш поезд, делая около двухсот верст в сутки. Станции были убоги и безмолвны, остановки томительно длинные. В редких селениях нас встречали группы мужиков и баб с растерянными и испуганным выражением на лицах, казалось, спрашивающим, добро ли или какое-либо зло и горе несет им наш поезд. Когда я долго засиживался у окна вагона, устремляя глаза на окрестности пути, мне начинало казаться, что унылая и однообразная природа окрестностей представляет собой среду, заключившую в себя запас какой-то скрытой, связанной жизни, которая стремится ухватиться за наш поезд, но отваливается // (л. 4 об.) при каждом новом встречном разъезде. Иногда мой взгляд останавливался на далеком обширном и благоустроенном селении, которое приветливо махало нам крыльями своих мельниц или зловеще выбрасывало черный дым из своих труб. Встретилось несколько обширных озер с вибрирующей над ними живой атмосферой.

Замечательно, во все продолжение пути движению поезда препятствовала демонстративная сцена, разыгравшаяся перед моими глазами, состоявшая обыкновенно в ссоре служащих между собою или с какой-либо из поездных дам, как будто бы без этой сцены поезд не был бы в состоянии двинуться с места.

Когда начался собственно сибирский путь, я с интересом // (л. 5) взглянул на общество, какое здесь путешествует. Мое предположение, что я встречу здесь степенных сибирских коммерсантов и промышленных людей оказалось далеко от действительности. Вагоны наполняла толпа разного рода серых людей – евреев, мещан и т.п., ищущих наживы и счастья, так обыкновенная на юго-западных железных дорогах России.

Не знаю, чему приписать, особенностям ли сибирской железной дороги и ее пассажиров или сибирскому воздуху то состояние полной подавленности и удрученности, какие я испытывал во все продолжение пути. Я лежал в своем вагоне, как пласт, без всякого желанья в душе, без всякой мысли в голове. Вычитал я в газете «Урал», что одному из железнодорожных служащих отрезало поездом ноги, и вот мне вообра // (л. 5 об.) зилось, что и со мной неминуемо случится это же несчастье. Я даже почувствовал как-то во сне, что мои ноги были отрезываемы колесами паровоза, и проснулся в ужасе.

Когда я добрался, наконец, до Томска и явился к дядюшке, моя внешность была в такой степени не презентабельна, что дядя воскликнул при виде меня:

– Mon cher! Как тебя уходила петербургская жизнь!

– Не столько петербургская жизнь, сколько ваша длинная, исполненная всяких ужасов, поистине адская железная дорога!

Тетушка Капитолина Ивановна взглянула на меня своими прекрасными печальными глазами, украшавшими бледное спокойное лицо, и хотела что-то сказать, // (л. 6) но лишь махнула рукой.

– Иди за Машей в свою комнату, отдохни там получше, да являйся к обеду здоровым и бодрым!

II.

Явившись к обеду, я увидел в столовой кухню Натю в обществе своей гувернантки. Натю я видел последний раз маленькой девочкой. Теперь я встретил в ней девушку лет шестнадцати с тонкими и изящными чертами лица и копной темных мягких волос на голове. Девушка неподвижно стояла, устремив на меня строгий серьезный взгляд своих больших глаз.

– Serge, узнаете ли Натю? – спросила тетушка.

– Положительно нет, ma tante! Как выросла, похорошела!

– А я вас узнаю, кузен, – сказала Ната, сияясь приветливо улыб // (л. 6 об.) нуться, – вы рисовали нам с Женей когда-то синих кошек.

– Ну, узнала и прекрасно! – сказала тетушка. – Нужно сказать тебе, Serge, что Ната у нас натура немножко болезненная и чуждается малознакомых людей. Надеюсь, вы с ней сойдетесь.

Елизавета Васильевна, гувернантка Наты, была моей старой знакомой.

– Все еще в области педагогики?⁶

– Да. Что поделаете – необходимость. Впрочем, Натю мои услуги становятся ненужными. Подумываю о каких-либо новых занятиях. Благо, пока разные и правительственные, и частные учреждения нашего города широко открывают двери желающим трудиться женщинам. //

(л. 7) – Ах, очень интересно! Каким образом женщинам вашей сферы удалось снискать такое внимание?⁷

– Множество открывшихся в городе новых учреждений и, без сомнения, наши деловые способности...

– Которые, наконец, оценило наше общество?

Но мне пришлось прервать беседу. Пришел дядя в обществе господина средних лет с широким румяным бородатым лицом и насмешливо улыбающимися глазами.

– Вот рекомендую, профессор, мой племянник, только что перенесший, по его словам, все ужасы сибирской железной дороги!

Я должен был рассказать профессору свои дорожные впечатления.

– Не любим и мы железной дороги, не любим! Хоть и куль // (л. 7 об.) турное явление и сами мы служители культуры, а не любим!

За обедом профессор объяснился⁸.

– Работаем мы, труженики науки, над своим негромким, но прочным делом насаждения научных начал и смеем думать, что своим трудом создаем крепкий фундамент будущего благосостояния края. Вдруг наш мирный город соединяют железной дорогой с европейскими столицами, с самим Парижем, откуда летят к нам разные блестящие культурные вершки⁹, составляющие последнее слово моды, последнее выражение утонченного вкуса, последнюю книгу, содержащую в // (л. 8) себе мирозерцание последней самой общепринятой формации, последнюю жизненную форму культурно пресытившихся людей. Все эти блестящие вещи в смысле культурной основы не только ничего не стоят, но приносят положительный вред. Наши семьи бредят изделиями последней парижской моды. Юный студент, усвоивший себе любое мирозерцание, смотрит на окружающее глазами Чайльд Гарольда и пренебрежительно относится к своим прямым обязанностям. Наживший себе модную привычку вивёр требует, на основании одного этого, для себя известного уважения в обществе. В погоне за этими блестящими безделками мы утратили понимание добра и зла. Так как все эти очарования // (л. 8) приобретаются за деньги, то ценность денег в наших глазах вырастает до необыкновенных размеров. Мы иногда даже забываем, что в нас, поскольку мы люди, должна быть какая-либо заветная сторона. Наши дети, учащиеся в гимназиях, начинают иметь понятие о золотой валюте, чего в нашу пору не знали профессора финансового права и переводят свои улыбки и другие черты внимания к себе со стороны других на единицы денежных знаков.

Ната не спускала с профессора глаз. Тетушка сочувственно покачивала головой. Дядя одобрительно подкивал, подливая нам вина. //

(л. 9) III.

В одно после обеда отправились с дядюшкой гулять, исходили довольно значительную часть города.

Три-пять¹⁰ параллельных улиц в центральных частях города более или менее застроены зданиями¹¹. Одна, со сплошным рядом магазинов на довольно значительном пространстве, имеет¹² даже европейский вид¹³. Тем не менее, и на лучшей улице здания перемежаются довольно значительными провинциальными пустырями. Добрались до площади в центре города. Среди площади на прямой плоскости одиноко высились довольно большое здание только что построенного собора, напоминающее своей формой храм Христа // (л. 9 об.) Спасителя в Москве, с белыми штукатуреными стенами и эффектным сиреневым куполом.

– Собор составляет гордость нашего города. – Говорил дядюшка. – Осмотри его внимательнее. Не правда ли, величественен?

– Здание собора, – продолжал дядюшка. – созидалось не очень спешно, в течении пятидесяти лет. Будем надеяться, что теперь оно простоит здесь века. Собор строился на добровольные пожертвования и экономи-

ческим путем. Результатом экономии оказался свалившийся купол. Это-то обстоятельство и затянуло постройку на продолжительное время.

– Расскажу тебе, кстати, одну историю, связанную с постройкой собора. Когда свалился купол, у строительного комитета не оказалось средств // (л. 10) продолжать постройку. Обратились к известному нашему богачу Королеву с просьбой о пожертвовании. Королев согласился дать средства на поправку и достройку собора, но с условием, чтобы дело постройки было предоставлено в его полное распоряжение. Пока комитет решал этот вопрос, Королев закупил материалы. Говорят, что как бы по щучьему велению соборная площадь в непродолжительное время загромодилась стенами кирпича и горами песка и извести. Между тем, комитет пришел к заключению, что предоставлять строение собора одному Королеву не следует. И решено было предложить ему внести в комитет деньги, а в постройке принять участие вместе с другими членами // (л. 10 об.) комитета. Я не знаю, получил ли комитет от Королева что-нибудь. Но члены его через несколько месяцев могли любоваться довольно красивым зданием, выросшим недалеко от собора, воздвигнутым из материала, купленного для собора. Здание это – общественный театр, который ты отсюда видишь.

– И это правда, дядюшка?

– Так рассказывают. Здание собора достраивается уже в продолжении многих лет без участия Королева.

Зашли в собор. Внутренность здания казалась огромной. Стены были покрыты не лишеной выразительности живописью в византийском стиле. Алтарь занимал почти треть всего здания. //

(л. 11) Кроме нескольких магазинов, на соборную площадь выходили длинное здание Университетских клиник, здание присутственных мест, губернаторский дом и здание гимназии. На этой же площади в довольно близком соседстве с собором находился довольно тощий общественный сад.

– Вот сад, где летом бывает довольно много гуляющих, а зимой бегают зайцы, – говорил дядя.

– Но как они сюда попадают?

– Удивительно! Но поверь мне, как охотнику: свежие заячьи следы я вижу здесь зимами довольно часто. Вероятно, зайцы забегают сюда из-за Томи, вот по тому широкому проулку. – И дядюшка указал мне на широкий промежуток между клиниками и театром. //

(л. 11 об.) – Этот проулок ведет на широкий луг правого берега Томи. Кстати, здесь находится довольно густо заселенная часть города, называемая Заисточьем, замечательная тем, что¹⁴ часто¹⁵ выгорает и снова быстро покрывается деревянными домиками, составляющими отличный материал для нового пожара¹⁶.

Повернули к университету. Длинные белые здания университета расположены посередине огромной обнесенной железной решеткой площади, передняя часть которой пестрела аллеями и клумбами, а на боковых и задней высились довольно значительный лес рощи. Университетские здания выступали среди зелени рощи очень красиво и, без сомнения, обладали всем, что // (л. 12) считается в настоящее время необходимым для такого рода построек.

За университетом возвышалась огромная кирпичная масса многоэтажного здания технологического института.

– «И добродетельных Платонов,
И хитрых разумом Невтонов»

Скоро будет рождать наша сибирская земля, – декламировал дядюшка.

Далее мы миновали целый ряд довольно правильных улиц с редкими довольно красивыми деревянными домами и огромными обнесенными заплатами пустырями, заполненными иногда целыми рощами высоких берез или тополей.

– Обрати внимание на улицы этой части города, – говорил дядюшка. – Дома здесь очень // (л. 12 об.) редки, а улицы далеко пролегают за город. Это улицы будущего.

Обошли кругом женского монастыря, скрытого за рощами и белыми стенами и находящегося при нем Дома трудолюбия. Здания монастыря соединяла с городом проволока телефона.

Значительно вечерело. Мы повернули с дядюшкой назад. Продолжительное путешествие истомило нас порядочно. И неудивительно. Местность, по которой мы проходили, была неровна и представляла собою довольно круто поднимающуюся возвышенность. Улицы не имели и следа какой-либо шоссировки. Деревянный узкий тротуар предстает // (л. 13) влял по склонам крутые улицы, по которым было в пору прыгать козлом. Наконец мы дотащились до более благоустроенных улиц центра города. Засверкали красные огоньки электрических розеток и заблестели редкие электрические фонари-луны. Картина была довольно эффектна. Я выразил свой восторг по поводу этого культурного явления.

– Уже в течение пяти лет мы пользуемся этим удобством, – говорил дядюшка.

Я вспомнил, при какой длинной волоките вводилось электрическое освещение в столицах, и сказал об этом дяде.

– А мы так долго не задумывались, устроили и розетки, и фонари, хотя у города не // (л. 13 об.) было средств и освещение до сих пор эксплуатируется купеческим обществом.

Дотащились домой, едва двигаясь от усталости. На другой день мы продолжили осмотр города.

На главной (Почтамской) улице наше внимание обратило огромное строящееся здание, напоминавшее своим видом Парижский Лувр.

– Собственность лица, пояснил дядюшка, которое начало свое поприще на трактовых дорогах с извоза.

Это здание было настолько велико, что за ним теряли свой вид довольно красивые здания архиерейского дома, окрашенные в розовую краску. На противоположной стороне улицы // (л. 14) выступало обширное и красивое здание Общественного Собрания.

– Вот тоже гордость нашего города! – заметил дядюшка. – Жаль только, что лежащие на здании долги почти равняются его стоимости.

Далее мы спустились на мост речки Ушайки и оказались в другой части города, разбитой на правильные кварталы и хорошо застроенной. Это была более старинная часть города.

Я обратил внимание на скудость и убожество церковной церкви.

– Да, да, – подхватил живо дядюшка, – церквями наш город не изобилует и те, какие есть¹⁷, довольно убоги. Все

это говорит о духовной черствости и узкой практичности обитателей нашего города. Мы прежде всего // (л. 14 об.) заботимся о создании собственного благосостояния. Быть может, со временем, когда наше личное довольство будет обеспечено, ради славы родного города, мы позаботимся украсить его и хорошими церквями¹⁸.

Мы забрались с дядюшкой на возвышение, называемое по церкви Троицкой горой, и обозрели отсюда довольно живописные окрестности города.

За этим довольно¹⁹ живописным углом города тянется целый ряд домов, оживленных и очень грязных улиц с характером торговой слободы, с деревянными строениями и деревенской пылью по дороге. Это была северная часть города. Я вспом // (л. 15) нил каменные сплошные громады столиц и гладкие, как пол, панели с шумной толпой прохожих, и душой моей овладела тоска по шумным, исполненным оживления, улицам больших городов.

– Ага, верно тебе не очень по вкусу тишь деревенских кварталов нашего города! – заметил дядюшка.

(л. 15 об.) IV.

Отправились с дядюшкой и Натой в театр.

Дорогой дядюшка знакомил меня с положением томской сцены.

– В настоящий сезон в нашем театре оперы чередуются с драмами. Кроме театра, драмы и оперетки ставятся местными любителями при сцене Бесплатной библиотеки, очень почтенном учреждении, с которым я когда-нибудь тебя познакомлю. Есть еще чистый театр-цирк, где теперь подвизается с малороссийской труппой известный всей России Андреев-Бурлак.

– Мы, томские обитатели, – продолжал дядюшка, – // (л. 16) довольно и своим театром, и своими артистами, особенно труппой Корсакова. Но ты, привыкший видеть всякого рода артистические совершенства на грандиозных императорских сценах, найдешь, вероятно, и наш театр, и наших артистов незначительными. Не спеши, впрочем, делать поспешное²⁰ заключение о достоинствах и недостатках нашей сцены. Постарайся рассмотреть ее повнимательнее и поближе.

Мы были уже в театре. С внешней стороны он напоминал Мариинский. Внутри театр представлял собою довольно поместительную сцену и небольшой уютный зрительный зал с недоделанным потолком, покрытым по доскам узором побелки. Стены фойе // (л. 16 об.) были украшены портретами писателей и символической живописью, смысл которой был довольно туманен. К фойе примыкал китайский абсид. Скоро ложи, зрительный зал и огромная трехъярусная галерея наполнились публикой. Ложи были заняты пестро одетыми дамами и мужчинами в черных сюртуках. Общество партера было чрезвычайно²¹ разнообразно, но исключительно партикулярное, с преобладающим купеческим пиджаком.

Общество вело себя в такой степени сдержанно, что невольно обращало на себя внимание.

– Ваше общество, дядюшка, собралось сюда, как на // (л. 17) похороны, – замечал я.

– Правда твоя, Serge, замечание твое вполне справедливо. Наше общество не только что случайное, какое ты здесь видишь, но более или менее однородное и хорошо знакомое между собой, носит в себе какую-то

печатать подавленности, мешающую его членам быть между собою простыми и естественными. Объясни себе на досуге эту социальную загадку!

– Впрочем, не будем односторонни в своих суждениях. Взгляни наверх!

Я обратил свое внимание на галерею, которая была хорошо видна с нашего места. Как это ни странно, но общество, наполнявшее галерею, умеренно оживленное, простое и естественное, // (л. 17 об.) казалось более свободным, чем все остальное. Там преобладали фигуры, просто, но красиво одетые²², представителей интеллигентного труда. Мундиры студентов²³ и разнообразные костюмы молодых людей всякого рода занятий.

– Ну, что ты теперь скажешь? – спросил дядя.

– Что я скажу? Если бы я не был с вами, дядюшка и с вами, Ната, то я предпочел бы сидеть в галерее среди этих веселых людей.

– Юности принадлежит право беззаботного веселья.

– А вам, дядюшка?

– А мне подавление всякого рода бремени жизни. Но оставим, брат, эту тему. Смотри на эту // (л. 18) толпу, если она тебя радует... Кстати, Ната, вероятно, не откажется объяснить тебе, от чего зависит такое различие между тем и другим обществом.

– Ах, кухня, объясните, прошу вас.

– Папа шутит²⁴. При том здесь нечего и объяснять: ясно и так. Ведь папа сказал вам, что ему и ему подобным мешает веселиться бремя жизни. Откажитесь от этой ноши и веселитесь.

Началось представление Рогнеды. Оркестр скрипел, певцы пели, как будто бы у них рты были наполнены кашей. На мое неодобрительное замечание, к удивлению, Ната стала защищать артистов.

– Артисты, без сомнений, распоятся. – заметила она довольно сухо. // (л. 18 об.)

– Очевидно, кухня, вы близко к сердцу принимаете отзывы сторонних людей о достоинствах вашей труппы.

– Вы правы, cousin. Я равнодушна к нашим артистам, так как знаю их лучше, чем вы, и смотрю на них иными глазами. Артисты являются передо мной людьми, которых я должна понимать и к небольшим недостаткам которых снисходить. Это для вас они герои. А для меня лица, тяжелой жизненной нуждой побуждаемые иногда разыгрывать на сцене несоответствующие им роли.

– Я не знаю, кухня, как удалось вашим артистам добиться вашего²⁵ теплого и участливого отношения²⁶ к ним. Но будьте уверены, что я давно уже жалею, что // (л. 19) нахожусь не среди них; тогда бы доля вашего сочувствия коснулась бы и меня.

Ната улыбнулась.

– Впрочем, позвольте вам заметить, Ната, что при вашем отношении к труппе я перестал бы бывать в театре: пребывание здесь²⁷ не эстетическое удовольствие, но тяжкое бремя.

– При хорошей игре, cousin, я забываю ту атмосферу житейской нужды, которая висит над каждым артистом, и легко поддаюсь иллюзии. Цельный образ героя надолго хранится в моей душе, и я ношусь с ним, как с идеалом.

Ната была права. Певцы, действительно, распелись, и голоса их стали полновочны и выразительны. Мы с

удовольствием прослушали пьесу до конца. // (л. 19 об.) Дома рассказываю тетушке об отношении Наты к артистам.

– Мне следовало предупредить тебя, Serge, что у Наты создался каким-то образом довольно своеобразный взгляд на артистов нашей труппы. Артисты, по ее словам, находят возможность словами пьес рассказывать о разных трагических случаях своей собственной жизни. Пока я не видела в этом ничего особенно дурного. Не возьмешь ли ты на себя труд разобраться в происхождении этой особенности твоей кухни?

// (л. 20) V.

Наконец я сделался членом общества охоты и попал в разнокалиберное общество охотников. Увы, в нашем обществе вполне отсутствовал тип старого охотника, всегда веселого и жизнерадостного, никогда не утомляющегося, интересного рассказчика, не опускающего случая красиво прилгнуть и любящего при случае хорошо выпить и поесть. Мои сочлены были серьезны и молчаливы. Собирались и ехали они на охоту с большой торжественностью, как будто бы священнодействовали. Некоторые из них отправлялись на охоту с таким видом, что будто бы были осуждены на смертную // (л. 20 об.) казнь. Отмечу еще небольшую особенность нашего общества охоты. Большинство охотников были охотниками специалистами по какой-либо исключительной дичи. Кто стрелял зайцев, тот не стрелял тетер. Были исключительно дупелиные охотники. Недоумеваю по поводу последнего обстоятельства и обращаюсь за объяснениями к дядюшке.

– Видишь ли в чем дело, mon cher! Наше общество обладает одним несомненным достоинством – постоянством²⁸. Если кто-либо в нем женат, то он всеми силами старается быть верным своей жене, если служит какой-либо специальности, то всеми силами // (л. 21) старается служить только этой специальности и нетерпимо относится ко всякой другой, если служит в одном правительственном месте, то создает себе мирозерцание на основании правил службы этого правительственного места и игнорирует и даже враждебно относится ко всякому другому. То же самое надо сказать и об охоте. Кто стал охотником на зайцев, тот и посвящает себя исключительно заячьей охоте и думает, что всякая иная убитая им дичь вносит в его существо некоторый нравственный разворот.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы все охотники были таковы. В более простой купеческой // (л. 21 об.) среде и между молодыми людьми господствовало обыкновенное в таких случаях оживление, сопровождавшееся подробнейшими рассказами о том, как дичь была искана и бита.

Поехали на зайцев в обществе 12–15 человек в Данковку. Окрестности деревни откуплены обществом и собственники земли, крестьяне не имеют права охотиться на ней. Яркие деревенские охотники с трудом мирятся с подобным положением дела и выражают горькие сетования. Но так как деревенское общество получает за это порядочную плату, то большинство обитателей деревни не на стороне последних.

Ночь провели в большой избе у мужика вожатого, // (л. 22) который должен был на другой день организовать гон. Охотники навезли²⁹ вина и закусок и старались по-

комфортабельнее устроиться со своим добром. Но и при всем этом тон общего оживления отсутствовал. Живая беседа раздавалась только в одном углу стола, где собралась около одного молодого человека купеческая компания. Молодой человек рассказывал об одном интересном случае своего путешествия в Москву, когда он в один вечерок составил очень скоро знакомство с одной очень интересной, очень шикарной и остроумной особой.

– ³⁰Понимаете³¹, я³² был уверен, что это³³ особа³⁴, невзирая на ее холодную внешность и элегантный костюм. // (л. 22 об.) Э, думаю, стоит ли тут стесняться! Подхожу. Сударыня, говорю, позвольте вас проводить до вашего дома! Окидывает меня величественным взглядом. – Если у вас хватит храбрости. – О, будьте уверены, что недостатка в таковой не окажется... Пошли. Приводит к настоящему дворцу: швейцары, лакеи... Раздеваемся, входим. Появляется красивый старичок в элегантном костюме. – Папа, видел ли ты когда-либо беззаветных храбрецов? – Случалось, ма шэр, но при чем у тебя беззаветные храбрецы? – А вот, рекомендую, один из них, мосьё, мосьё... Как вас зовут, мосьё?

– Ты врешь, Котька! – Кричит кто-то из заинтересованной компании.

– Ей богу же нет!

// (л. 23) – Ну, что же дальше?

– Дальше... Но нельзя ли, господа, кончить мой рассказ, когда-либо в другую пору. Теперь я не расположен.

– Нет, говори, коли начал, бисов сын!

– Ну, уже так и быть. Моя прелестная незнакомка обращается к старичку и говорит: – Можешь ли ты, папа, представить себе, с какими целями этот господин явился сюда? – Слушай же, с целью овладеть любовью твоей Лели. Но куда же вы уходите? – Понимаете³⁵, господа, что я уже давно мечтал о том, как бы улизнуть поскорее в гостиную, а оттуда на улицу, и скрыться в толпе. – Нет-с! Вы должны еще объяснить, что давало вам право смотреть на меня, как на женщину известной // (л. 23 об.) категории. – Леля! – заговорил старичок тоном искренней печали. – Своей страстью ко всякого рода приключениям ты приводишь меня в ужас. Говорю тебе, что это когда-нибудь не пройдет тебе даром. Что же вы не уходите, милостивый государь! – обратился вдруг старичок ко мне.

– Итак, Котька, ты с позором должен был оставить свою прелестную незнакомку.

– С позором?! Посмотрел бы я, чтобы ты сделал на моем месте?

Чуть свет на другой день мы уже тащились под предводительством нашего вожатого по перелескам.

После двух-трех загонов, // (л. 24) где было убито несколько зайцев, я установился на опушке березового леса и ждал дичи. Голоса гонцов звонко раздавались на морозном воздухе. Я судорожно сжимал ружье, ожидая зайца. Вдруг засвистела тетерка. Я стрелял. Тетерка повалилась на снег, разбрасываясь на нем своей рыжей пышной опрятной фигурой с красивой головкой и желтыми влажными полузакрытыми глазами.

// (л. 24 об.) VI.

В день годового праздника Томского университета, 22 октября, отправились с дядюшкой на университетский акт.

Заглянув предварительно в университетскую церковь, очень поместительную и красивую, с византийской живописью и монгольскими орнаментами, мы прошли в обширный актовый зал. Здесь среди многочисленного общества местной интеллигенции мы выслушали речь об экономическом значении Сибирской железной дороги, сообщенную красивым, статным и, по-видимому, очень довольным собой профессором. Лектор сказал, между прочим, в своей речи, что имеющая быть продолженной до Владивостока Сибирская // (л. 25) железная дорога служит базисом культурного развития Сибири и что с проведением дороги рушатся крупные капиталистические предприятия и разовьется мелкая промышленность.

Вечером этого дня я был в обществе дядюшки и его семьи на студенческом вечере, устроенном в зале Общественного собрания. Ярко освещенная большими электрическими фонарями огромная красивая зала произвела на меня впечатление мирного приюта трезвого веселья. Казалось, в самой теплой атмосфере залы были разлиты довольство и спокойствие. Большинство собравшегося общества составляли учащиеся обоого пола, преимущественно студенты. Благодаря простору залы, танцы выходили очень красиво. Молодежь танце // (л. 25 об.) вала с увлечением под звуки довольно порядочного оркестра. В нижнем помещении собрания была устроена мертвецкая, где студенты, в огромном количестве, обменивались речами, пели песни и устраивали овации профессорам. Заглянув в мертвецкую, я увидел тесную толпу студентов около одного довольно тощего профессора. Профессор хвалил студентов за то, что они являются в университет с живой и искренней верой в науку и готовностью беззаветно служить ей всеми своими силами.

Отыскав в зале дядюшку, я рассказал ему, что видел и слышал в мертвецкой.

– А как ты думаешь, что стоит в наше время безза // (л. 26) ветное беспорочное служение науке?

– Как что стоит, дядюшка?

– Ничего не стоит³⁶. Я думаю, что студенты должны быть не платоническими служителями науки, но и практиками: они должны быть хозяевами науки, определяющими практическую приложимость и практический смысл всякого научного факта. На месте профессора³⁷ уместнее было бы сказать: г.г., наша наука заслуживает полного уважения, если она научает нас создать человека физически здорового, нормального гражданина и умного общественного деятеля.

А танцы в зале шли своим чередом, чрезвычайно дружно и в образцовом порядке. Дружно танцующее общество студентов порождало мысль // (л. 26 об.) о существовании в городе единой интеллигентной семьи, к которой принадлежат и студенты, которая является носителем высших культурных знаний.

Я обнаружил свои мысли перед дядюшкой.

– Друг мой, эта идея – иллюзия, ибо несомненно, что общественная рознь, проникающая во все классы, имеет в значительной степени место и в студенчестве. Надо принять во внимание и то, что большинство студентов в нашем городе – люди пришлые и местному обществу мало знакомые. Дружный порядок, какой ты видишь, объясняется уважением к общественному месту и общественной дисциплиной. И только. //

(л. 27) К дядюшке подошли знакомые, и он исчез с ними в толпе. Я снова стал наблюдать ритмически двигающуюся по зале под звуки стройного оркестра толпу танцующих. Какое участие в культурной жизни города принимают сами сибиряки? В характере сибиряка и российского обывателя огромная разница, какой бы общественный класс мы не затронули. Не подлежит сомнению, что постоянство и устойчивость составляют коренную черту характера сибиряков. Этой черте можно давать какое угодно направление. Не эксплуатируется ли эта черта российским пришлым людом, явившимся сюда под видом служения культуре, ради своих

личных // (л. 27 об.) целей? Мне пришла эта мысль, когда я увидел среди танцующих сытых, развязных, не стесняющихся бросать в среду во многих отношениях безответного сибирского студенчества *mots volants*, представителей местного железнодорожного и финансового мира.

Около часу мы собрались было с тетушкой домой, но Ната решительно запротестовала против нашего намерения. Она без устали танцевала в течение целого вечера, раздурманилась, запыхалась, но все-таки еще хотела остаться, по крайней мере, на час. Пришлось покориться ее желанию³⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ «Слащавыми, но» – вставлено над строкой.
- ² «Как глаза» – вставлено над строкой, зачеркнуто синим карандашом.
- ³ Зачеркнуто простым карандашом.
- ⁴ Простым карандашом исправлено на «дав».
- ⁵ «Как» – вставлено чернилами над строкой.
- ⁶ Абзац отчеркнут на полях синим карандашом.
- ⁷ Отчеркнуто на полях синим карандашом; комментарий: «Что за глупый вопрос?».
- ⁸ Абзац отчеркнут синим карандашом, на полях замечание: «Профессор обскурант и реак[ционер]».
- ⁹ Слово подчеркнуто писцом.
- ¹⁰ «Три-пять» – вписано над строкой зелеными чернилами, почерком основной рукописи.
- ¹¹ «И носят довольно живой вид» – вписано над строкой зелеными чернилами, почерком основной рукописи.
- ¹² Зачеркнуто, зелеными чернилами дописано: «напоминает».
- ¹³ Зачеркнуто, дописано зелеными чернилами: «улицы Европы».
- ¹⁴ «Она» – вставлено над строкой синим карандашом.
- ¹⁵ Вставлено над строкой.
- ¹⁶ Вставка на полях зелеными чернилами, почерком основной рукописи: «Обитатели Заисточья не обращают внимания на опыт прошлых лет. Но нельзя не подивиться их необыкновенной жизненной энергии».
- ¹⁷ «За исключением нового собора» – вставлено над строкой синим карандашом.
- ¹⁸ Фрагмент текста от слов «Все это говорит» до конца абзаца отмечен синим карандашом.
- ¹⁹ Слово зачеркнуто синим карандашом.
- ²⁰ Слово зачеркнуто красным карандашом.
- ²¹ Зачеркнуто, сверху подписано той же рукой: «довольно».
- ²² Над строкой тем же почерком: «по-видимому».
- ²³ Зачеркнуто синим карандашом. Под строкой зелеными чернилами, тем же почерком: «мундиры учащихся».
- ²⁴ Зачеркнуто синим карандашом, над строкой синим карандашом: «смеется».
- ²⁵ Зачеркнуто синим карандашом, сверху подписано зелеными чернилами, почерком основной рукописи: «от вас».
- ²⁶ Над строкой синим карандашом вписано: «вашего».
- ²⁷ Зачеркнуто, над строкой зелеными чернилами почерком основной рукописи: «присутствие в театре в вашем положении».
- ²⁸ Вписано над строкой.
- ²⁹ Одно слово зачеркнуто, над строкой почерком основной рукописи: «с собой».
- ³⁰ «Вы» – зачеркнуто.
- ³¹ «Ли» – вписано над строкой.
- ³² «Сразу определил» – зачеркнуто, «был уверен» – вписано над строкой.
- ³³ «За» – зачеркнуто.
- ³⁴ «Известного порядка» – вписано над строкой.
- ³⁵ «Ли» – зачеркнуто.
- ³⁶ «Видишь ли, в чем дело» – зачеркнуто синим карандашом. Над строкой вписано: «Ничего не стоит».
- ³⁷ «Я бы сказал» – подчеркнуто синим карандашом. Вписано над строкой: «уместнее было бы сказать».
- ³⁸ Текст обрывается, две страницы утрачены.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Матханова Н.П.* Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. 551 с.
2. *Азадовский М.К.* Мемуары Бестужевых как исторический и литературный памятник // Азадовский М.К. Страницы истории декабризма. Иркутск, 1991. Т. 1. 496 с.
3. *Тартаковский А.Г.* Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. М., 1991. 288 с.
4. *Дмитриев С.С.* Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР : учеб. / под ред. И.Д. Ковальченко. М. : Высшая школа, 1981. С. 342–360.
5. ОРКП НБ ТГУ. В-5475. Б.м. и г. [1901]. 29 л.
6. *Соболев М.Н.* Экономическое значение Сибирской железной дороги. Томск : Тип. Макушина, 1900. 34 с.
7. *Соболев М.Н.* Экономическое значение Сибирской железной дороги // Известия Томского Императорского университета. Томск, 1901. Кн. 8. С. 1–34.
8. *Беликов Д.Н.* Старинный Свято-Троицкий собор в г. Томске. Томск, 1900. 30 с.
9. *Не-Крестовский (Курицын В.В.).* Томские трущобы. Томск, 1908. 255 с.
10. *Дмитриенко Н.М.* Мемуарное наследие Томска XIX – начала XX в. // Документ в системе социальных коммуникаций : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (25–26 октября 2007 г.). Томск, 2008. С. 23–29.
11. *Томск и томская земля в мемуарах и путевых записках конца XVII – начала XX в. : аннотированная библиография / науч. ред. Н.М. Дмитриенко.* Томск, 2012. 36 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 января 2013 г.